

d'autres seigneurs qui y périrent pour la plupart. Le comte de Bar ayant imprudemment attaqué les ennemis le jour de Saint Brice le 13 novembre fut blessé à mort et pris par les musulmans.⁹

Dom Calmet mentionne aussi que l'évêque Roger a reçu en 1248 de l'empereur Frédéric la permission de fortifier la ville de Toul et ses environs.¹⁰ Il est probable qu'il en ait profité aussi pour fortifier le château de Void, surtout si l'on prend en compte l'importance de cette place forte comme refuge pour le chapitre au cours des troubles survenus à Toul.

⁹ Calmet. Histoire... II. P. 290. Dom Calmet cite ici un extrait de la chronique de Nangis.

¹⁰ Ibid. P. 301.

А. В. ЧИРКОВА

ГРАМОТЫ XIII в. ПРИОРАТА СЕНТ-ФУА В КУЛОМЬЕ ИЗ СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

Предмет нашего исследования — четыре грамоты XIII в., происходящие из небольшого города Куломье, расположенного в области Бри к востоку от Парижа, ныне хранящиеся в Западно-европейской секции архива СПбИИ РАН (картон 327, № 22—25). Во всех четырех документах речь идет о владениях приората Сент-Фуа в названном городе или его округе. Это два акта о покупке приоратом дома и земельного участка (1274 и 1277 гг.) и договоры об аренде частными лицами домов, принадлежащих монастырю (1293 и 1296 гг.). Перед нами, несомненно, фрагмент монастырского архива, прошедший через руки частных владельцев, а затем антикваров вследствие распродажи бывших монастырских и церковных владений в эпоху Великой французской революции.

Значение небольшой коллекции грамот заключается в том, что, отражая историю владений приората в самом центре Куломье,¹ они представляют немалый интерес для изучения топографии города, а также его округа в период 1270—1290 гг. Кроме того, следует иметь в виду, что академик Н. П. Лихачев, создатель коллекции средневековых французских документов,² включил в свое собрание указанную группу грамот, руководствуясь

¹ Ныне город Куломье, прославившийся своим сыроварением, является центром одноименного кантона департамента Сен-е-Мари.

² Документы этого собрания, за исключением нескольких групп, неизвестны исследователям. На сегодняшний день существуют только три публикации: Мажуга В. И. 1) Грамоты аббатства Фонтенро в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВИД. М., 1978. Вып. IX. С. 295—317; 2) Грамоты XIII в. монастыря Бельуа в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Средние века. М., 1980. Вып. 43. С. 229—247; 3) Грамоты цистерцианских аббатств Бургундии и Франш-Конте (1203—1290) // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР. Л., 1982. С. 37—82. Пользуясь случаем, автор настоящей работы приносит благодарность В. И. Мажуге за любезно указанные документы, за идею и научное руководство, без которого эта публикация не могла бы состояться.

Специальных исследований по истории Сент-Фуа, насколько нам известно, очень мало.¹³

Предположим нашему очерку истории монастыря некоторые сведения о городе — месте основания приората и месте сосредоточения его жизненных интересов. Работы по истории города Куломье, в разное время издававшиеся во Франции и носящие, видимо, краеведческий характер, остались для нас недоступны,¹⁴ в связи с чем постараемся обрисовать его жизнь на основе известных нам документов и общих исследований по истории Шампани.

Современное название города Куломье (Coulommiers) происходит от латинского *Columbarium*, означавшего голубятню.¹⁵ Во II в. здесь располагалось римское поселение. От этой эпохи, кроме самого названия, до нас дошло несколько римских могил на территории приората.¹⁶ Средневековый город вырос в этом месте в XI—XII вв., его ядром стал замок графов Шампанских. Впервые жители Куломье упоминаются как «горожане» (*burgenses*) в 1107 г. в грамоте графини Мо и Блуа Адель, отражающей ее дарения в пользу приората Сент-Фуа — в числе прочих ее вассалов и держателей.¹⁷ Свои особые права городская община Куломье получила

¹³ Нам известны только три публикации: *Bougenot S. Obituaire du prieuré de Ste-Foy de Coulommiers // Bull. hist. philol. com. trav.* 1892. P. 34—48; *Vernon A. Les comptes de la confrérie de Ste-Foy de Coulommiers // Bull. conf. hist. dioc. Meaux*, 1894. P. 211; *Paty E. D. Monographie du prieuré de Ste-Foy // Soc. arch. France. Séances*, XII, 1845. P. 120—138. Начиная с последней работы, полагаем, не стоит обольщаться, ибо другая работа того же автора (*Notice sur la ville de Coulommiers // Bull. Monumental*, 1843. T. IX. P. 288—296) более напоминает развернутую словарную статью, лишенную четкой композиции, с фактическими неточностями и ошибками.

¹⁴ *Dunvergne A. Etudes historiques et archéologiques sur la ville de Coulommiers. Coulommiers*, 1863; *Rouget. Notice historique sur la ville de Coulommiers. Coulommiers*, 1892; *Desjardins E. 1) Coulommiers. Causeries historiques. Coulommiers*, 1900; 2) Histoire de Coulommiers des origines à nos jours. Coulommiers, 1925; 3) Coulommiers pendant la Révolution. Coulommiers, 1939; *Luxerroy P. Coulommiers: souvenirs perdus et retrouvés. Coulommiers*, 1964; *Schelstruete J. Promenade dans les rues et dans l'histoire de Coulommiers. Coulommiers*, 1980; *Richard I. Coulommiers et ses environs. Le-Mée-sur-Seine*, 1992.

¹⁵ *Longnon A. Les noms de lieux de la France. Paris*, 1920—1929; *Dauzat A., Rostaing Ch. Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France. Paris*, 1963.

¹⁶ См.: *Nouveau Larousse Illustré*. Не располагая более точными данными о характере этих захоронений, пока нельзя высказаться определенно по поводу возможной связи названия города с их расположением в этом месте. Подобное предположение направляется вследствие наличия среди других значений слова «*columbarium*» обозначения места урна с прахом в стене какого-либо здания (*Tesaurus linguae latinae. Leipzig*, 1904. T. III; *De Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Paris*, 1884. T. IV). Если в случае с Куломье речь идет о захоронениях именно такого типа, то вполне вероятно, что как раз им мы обязаны названием возникшего здесь поселения, и тогда получается, что Ломьен, Дожа и Роестен восприняли более позднее толкование названия города, которое нашло отражение в городском гербе Куломье, изображающем золотую голубятню на лазурном поле и слетающих к ней четырех серебряных голубей (*Nouveau Larousse Illustré*).

¹⁷ «...ut si quis meorum hominum miles, burgensis, servus, liber vel rusticus, ex propriis possessionibus honorem, pecuniam vel aliud aliquid quod ad dominium nostrum pertinet, eis pro caritate largiri decreverit, liberam ex mea parte licentiam habeant donandi, et monachi recipiendi» (*Champollion-Figeac J. J. Documents inédites... P. 5*). См.: *Bur M. La formation du comté de Champagne. Lille*, 1974. P. 316, n. 206.

в 1231 г.: в соответствии с хартией графа Шампанского Теобальда IV Великого (подтвержденной в 1242 г.) управление городом осуществлялось мэром и двенадцатью приходами, а горожане были освобождены от различных видов талей и получили некоторые другие свободы.¹⁸ Уже в 1101 г. в числе свидетелей первой грамоты вышеупомянутой графини Адель, где речь идет непосредственно о приорате Сент-Фуа, упоминается прево Куломье (*Lambertus Columbariensis prepositus*).¹⁹

Замок графов Шампанских, игравший роль стратегически важного пункта еще в Столетнюю войну и во время религиозных войн, исчез без следа (в 1613 г. на его месте было построено по приказу герцогини Лонгвильской Екатерины Гонзаго новое сооружение, от которого ныне остались одни руины). Мало что осталось и от приората Сент-Фуа: как сообщает, в частности, «Словарь церквей Франции», во время Революции была разрушена церковь постройки XVI в., а в стенах оставшихся помещений, позже перестроенных, были размещены Дворец юстиции, жандармерия и тюрьма.²⁰

Куломье расположен на берегу Большого Морена (Grand Morin), притока Марны (см. карту-схему), в связи с чем в Средние века водяные мельницы, расположенные у замка, и право рыбной ловли играли здесь роль наиболее доходного владения. Стоит упомянуть и торговые пути, проходившие через город: Мишель Бюр называет римскую дорогу из Труа в Мо.²¹ Через Куломье пролегал путь купцов «из Ломбардии и других стран»²² в города, где поочередно проходили знаменитые Шампанские ярмарки. Благодаря этому еще одной важной статьей доходов были дорожные пошлины (*peage de Coulommiers*).²³

История города теснейшим образом переплетена с историей находившегося там приората, что отразилось на формировании самого круга источников по ранней истории Куломье. Дошедшие до нашего времени письменные свидетельства об этом городе XI—XII вв. по сути исчерпываются грамотами, фиксирующими дарения в пользу Сент-Фуа. Не будь в городе приората, в распоряжении историков были бы лишь скудные упоминания в «*Feoda Campanie*»,²⁴ самые ранние из которых относятся к последней трети XII в.

Наиболее ранний документ, где впервые был затронут статус Куломьерской церкви, при которой впоследствии выросла оби-

¹⁸ Грамота составлена на французском языке, опубликована у Дю Плесси (Histoire... T. II. P. 127—129). Пары прилагательных отглагольны (Notice... P. 295—297).

¹⁹ Gallia Christiana. T. I. Instr., col. 54c; Desjardins G. Cartulaire... P. 342.

²⁰ Dictionnaire des églises de France. Paris, 1969. T. IV, D. P. 58; Paty E. D. Notice... P. 291; Beaumier don A. Recueil... P. 321.

²¹ Bur M. La formation... P. 321.

²² Longnon A. Documents relatifs au comté de Champagne et de Brie 1172—1361. Paris, 1901—1904. T. II. P. 81-K.

²³ См. примечания: Ibid. P. 81—85; Arbois de Jubainville H. d'. Histoire des ducs et des comtes de Champagne. Documents. Paris, 1860—1869.

²⁴ См.: Longnon A. Documents... T. I.

тель Сент-Фуа, относится к 1101 г. и своим происхождением обязан Аделе, графине Мо и Блуа. В грамоте описывается, как Теобальд I, граф Шампанский (1063—1089), подарил (concessit) аббатству Св. Фидес в Конке (ecclesie S. Fidis Conchensis), расположенному на юге Франции, в графстве Руэрг, церковь в Куломье. Речь шла не о простой часовне, а о приходской церкви, так как в числе свидетелей грамоты 1101 г. упомянут пресвитер. В подтверждение своей воли граф отправил в Конк со своими послами серебряный кубок (calicem argenteum). Позже, желая, чтобы дар его не был отклонен, он лично посетил аббатство и там, видимо, принес в дар золотую чашу (scyrho augeo), еще раз подтвердил свое решение в присутствии множества своих людей, засвидетельствовавших его дарение, а также множества членов Конкской общины — как монахов, так и прочих. Однако, возвратившись в свои шампанские владения, граф изменил первоначальное решение и передал церковь расположенному поблизости аббатству Ребэ (mutato animo mutavit et donum), что послужило началом длительного спора между двумя аббатствами. Дело это неоднократно, как сообщается в грамоте, обсуждалось на многих соборах, а также в присутствии архиепископа Лионского, легата Апостольского Престола, но до тех пор, пока был жив Теобальд, не находило своего решения. И лишь в 1101 г., когда его сын Стефан-Генрих отправлялся в Святую Землю, графиня Адела, жена последнего, положила конец этому спору, уладив его в пользу аббатства Конк.

К сожалению, в грамоте не указывается время описанных событий. Приблизительно их можно датировать периодом 1060-х—70-х годов. Неизвестными остаются настоящие причины, побудившие сначала Теобальда, а затем Аделу одарить южнофранцузский монастырь церковью в Куломье, так что в конечном счете ему было отдано предпочтение вопреки интересам расположенного поблизости старинного и видного шампанского аббатства, причем тем самым была нарушена общая в то время практика наделения новыми владениями местных монастырей.²⁵

Конк (Conques; lat. Conchae, Vallis lapidosa), монастырь Бенедиктинского устава, выросший из скромной пустыни, основанной во времена Карла Великого,²⁶ в этот период переживал апогей своей силы и влияния. Во второй половине IX в. аббатству удалось заполучить мощи св. Фидес, девы и мученицы из Ажена.²⁷ С этих пор Конк становится местом паломничества, чему немало способствовало благоприятное расположение аббатства: именно здесь проходил один из путей, которыми пользовались пилигримы, направляющиеся к мощам св. Якова

Кампостельского.²⁸ В конце X—начале XI в. в Конке устанавливается большая статуя святой (Maiestas) из позолоченного серебра. Св. Фидес поклонялись как покровительнице пленных и избавительнице от глазных болезней.²⁹ В XI—XII вв. отмечается широкое распространение культа св. Фидес, что прослеживается по Конкскому картулярию, свидетельствующему о множестве дарений в пользу аббатства далеко за пределами Руэрга. В период с 1065 по 1110 г. аббатство Св. Фидес приобретает владения в диоцезах Бордо, Перигё, Лиможа, Лиона, Авиньона, Женеви, в королевствах Наварры и Арагона, в графстве Майорка. Однако северная граница распространения Конкского влияния не пересекает Луару.³⁰ И Шампань, как мы видим, находится далеко за пределами обозначенного ареала.

Еще издатель Конкского картулярия Дежарден высказал предположение, повторенное затем Буасонадом, а вслед за ним Бюром, что конгрегация Св. Фидес принимала участия в Реконкисте, видимо, поставляя воинов в войска Арагона.³¹ В первом томе «Христианской Галлии» опубликована грамота Педро Арагонского (1094—1104) 1101 г., удостоверяющая предоставление в дар аббатству Конк главной мечети занятого христианами города Барбастр для основания там приората Св. Фидес.³² Мишель Бюр пытается указать на возможную связь этого факта с поездкой Теобальда I в Конк, описанной в первом документе, касающемся церкви в Куломье.³³ Не будем судить, насколько основательно подобное предположение, но во всяком случае указанный факт проливает свет на мотивы, побудившие Аделу рассмотреть в 1101 г. спор о Куломьерской церкви и решить его в пользу Конка.

Муж Аделы и старший сын Теобальда I Генрих, унаследовавший после смерти отца графство Мо и Блуа, с 1074 г. фигурирующий в грамотах под именем Стефана, откликнулся на призыв папы Урбана II и в 1096 г. отправился в Крестовый поход. Но двумя годами позже при нашествии турок-сельджуков он отступил и, покинув Святую Землю, вернулся во Францию. Адела же, будучи возмущена его поступком, настояла на том, чтобы он вновь отправился на Восток в 1101 г. вместе с графом Пуату и герцогом Аквитанским Гийомом IX (1086—1127) и Гуго Великим, графом Вер-

²⁵ Paulin J.-C. Fides // *Lexicon des Mittelalters*. Bd. IV, Lief. 2. München und Zürich, Sept., 1987. S. 435.

²⁶ Fournier G. Conques // *Lexicon des Mittelalters*. Bd. III, Lief. 1. Mai, 1984. S. 143. Пати сообщал, что облаченная в шелк и сверкающая позолотой статуя, которая в XIX в. заняла почетное место брениария XV в. в часовне Сен-Дени в Куломье, продолжала пользоваться славой возвращающей зрение. Каждый день к ней стекались ослепшие и слабослышащие, чтобы потерять глаза о ее серебряные ступни (Paty E. D. Notice... P. 293).

²⁷ Desjardins G. Essay... P. 24.

²⁸ «Ste-Foy de Conques, qui combat sous la bannière d'Aragon contre musulmans...» Desjardins G. Cartulaire... P. XV; Boissonnade P. Du nouveau sur la chanson de Roland, Paris, 1929. P. 54.

²⁹ Gallia Christiana. T. I. Instr., col. 54—55.

³⁰ Bur M. La formation... P. 482, n. 56.

²⁵ См. например: Bur M. La formation... P. 317, 227.

²⁶ Gallia Christiana. T. I. Col. 236; Desjardins G. Essai sur le cartulaire de l'abbaye de Ste-Foy de Conques en Rouergue // *Extrait de la Bibl. de l'Ecole des Chartes*. 1872. T. XXXII. P. 5.

²⁷ Время этого перенесения мощей (translatio secunda) до сих пор не установлено; см. различные датировки: Leclercq H. Conques en Rouergue // *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*. Paris, 1907—1937. T. IV. P. 2563—2564, n. 6.

мандуа и Валуа (1080—1102).³⁴ При таких обстоятельствах весьма знаменательно восстановление в правах аббатства, доказавшего свою верность идеалам Христового воинства на Западе, и именно в год, когда Стефан-Генрих отправился в Крестовый поход, хотя и в восточном направлении.

Графиня Адела (ум. 1138), дочь Вильгельма Завоевателя, мать английского короля Стефана (1135—1154), была личностью видной для своего времени. Достаточно образованная, чтобы судить о классических авторах и поэзии, она покровительствовала выдающимся авторам той эпохи, в частности, она состояла в переписке с Ансельмом Кентерберийским (1033—1109), Иво Шартрским (ок. 1040—1115/1116), Бальдриком Бургейским (Бодри де Бургейем) (1046—1130) и Гвибертом (Гильдебертом) из Лавардена (1056—1113); хронист Гуго Флерийский (ум. 1135) посвятил ей одно из своих творений.³⁵ Она всячески поддерживала Клонийское движение, а в 1122 г. приняла постриг в монастыре Марсины, приorate Клонии. Все время ее правления с 1096 г. (после смерти Стефана-Генриха в 1102 г. она правила единолично) до 1107 г., когда ее сын Теобальд II был посвящен в рыцари, было отмечено миром, царившим в пределах ее владений и на границах, а также благочестивой политикой в отношении Церкви.

Как свидетельствует названная грамота 1101 г. и ряд других, близких ей по времени документов, содержащихся в Конкском картулярии (№ 470, 486, 487), Адела привлекла к своим трудам по изданию новой обители в Куломье необходимым имуществом наиболее видных из своих вассалов и представителей Церкви. Так, упомянутый в числе свидетелей в грамоте 1101 г. Радульф, сын Альбана (*Radulfus filius Albani*), вскоре после совершения акта, засвидетельствованного грамотой, уступил приорату некоторые из своих владений в пределах Куломье. Согласно грамоте 1108 г., Адела передала Сент-Фуа землю и лес в Трэмблэ (*Tremblez—Tremblou, Seine-et-Marne, cant. de La Ferté-Gaucher, com. de Chevry*) и свой «аллод», который находится в держании у ее вассалов (*fevales*) Герарда и Роберта «*de Turte*» (*Tours-sur-Marne, Marne, cant. d'Ay*); в свою очередь все, кто были держателями этих последних и понесли ущерб в результате подобного дарения, получили 12 ливров (грамота приводит их имена). Новые владения в Трэмблэ монахи должны были выкупить у держателей сами. Третья грамота исходит от Герарда из Турсюр-Мари и его семьи, приносящих в дар приорату сад (*jardinum*), которым они владели в Куломье. Как и Радульф, Роберт и Герард упомянуты в числе свидетелей грамоты 1101 г. В последней грамоте мы встречаем любопытную фразу: «Я делаю это движимый любовью к Богу и к блаженной Фидес, а также

в ответ на просьбы госпожи моей графини Аделы»,³⁶ — что свидетельствует о том, что инициатором этого пожертвования была все же Адела.

В 1101 г. была составлена грамота, по которой Адела разрешает любые дарения в пользу приората в пределах своего домена всем своим людям — будь то рыцари, горожане, крестьяне или сервы.³⁷ Среди уступленных Аделой в соответствии с той же грамотой многочисленных владельческих прав упомянем переданные ею права на вновь посаженных на землю пришлых крестьян-госпитов, право патроната над приходской церковью Сен-Дени в Куломье и церковью в Сансе (*Saints, cant. de Coulommiers*), а также право беспощинного помола на двух мельницах в Куломье.³⁸

Грамотой 1107 г. Адела открывает традицию графских дарений в пользу приората Сент-Фуа. Грамота Теобальда II (1107—1152) 1132 г. воспроизводит текст грамот Аделы 1107 и 1108 гг., не указывая, однако, наиболее ценные из дарений (право патроната над церквями и право свободного помола), которые, видимо, были взяты обратно после ухода Аделы в монастырь в 1122 г.³⁹ В грамоте 1132 г. перечислены зависимые люди, права на которых в разное время Адела уступила приорату Сент-Фуа: упомянут один клирик (*Ansellus clericus*) и семья жонглеров (*Ernulfus jocular et uxor eius cum filiis et filiabus omnibus*).⁴⁰ Последнее дарение красноречиво свидетельствует о культурном окружении Аделы, и в особенности о тогдашней придворной жизни в Куломье. Трудно, однако, сказать, зачем нужна была приорату семья жонглера. Скорее всего, она была отдана последнему под опеку.

Традиция, заложенная Аделой, была впоследствии продолжена Генрихом I Щедрым (1152—1181), подтвердившим дарения в пользу Сент-Фуа, совершенные его предшественниками, добавив при этом ряд новых владельческих прав со своей стороны (грамоты 1152 и 1174 гг.). Последним сохранившимся свидетельством внимания графов Шампанских к интересующему нас монастырю является грамота 1189 г. Марии Французской, вдовы Генриха и дочери Людовика VII от брака с Алиenorой Аквитанской.⁴¹

Несмотря на фрагментарность имеющихся сведений, следует отметить достаточно быстрый рост владений приората в XII в. В следующем столетии монастырь ведет тяжбы, отстаивая свои

³⁶ «Hoc autem facio ductus amore Dei et beate Fidis atque precibus domine mee Adele comitissae» (*Champion-Figeac J. J. Documents... T. II. P. 7*).

³⁷ См. настоящую статью, примеч. 17.

³⁸ *Champion-Figeac J. J. Documents... T. II. P. 5—7*.

³⁹ В Конкском картулярии содержится сокращенная версия грамоты Аделы 1107 г., в которой также отсутствуют указанные владельческие права. Внимательное прочтение обеих версий показывает ошибочность мнения Декардена, полагающего, что документ, опубликованный Шампальеном-Фигаком, является позднейшим расширенным вариантом, тогда как конкская копия воспроизводит подлинный текст грамоты. (*Desjardins G. Cartulaire... P. CXIII*).

⁴⁰ *Champion-Figeac J. J. Documents... T. II. P. 14—17*.

⁴¹ *Ibid. P. 32—34, 40—41, 42*.

³⁴ *Bezola R. R. Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident. Paris, 1960. T. II. P. 369*.

³⁵ *Ibid. P. 370—380*.

владельческие права. Авторы «Христианской Галлии» сообщают о споре между приором Куломье и аббатиссой Фармутье (Farae monasterium — Faremoutiers, cant. de Coulommiers) по поводу права патроната над капеллой в местечке Бев (Vova — Saint-Pierre-en-Veuve, cant. de Coulommiers, com. de Mouroux). Епископ Мо Петр Квизийский (1221—1252), выбранный арбитром, разрешил этот спор в 1233 г. в пользу Сент-Фуа.

Относительно периода 1270-х—1290-х имеется одно упоминание во «Владениях земли графства Шампанского и Бри» («Extenta terre comitatus Campanie et Brie»), представляющих собою оценку владений, входящих в графский домен, составленную группой приюдомов в период регентства Эдмунда Ланкастерского в 1276—1278 гг. Приор Сент-Фуа каждый год получал сорок солидов «малого ценза» (menu cens), приносящего «los et ventes» (денежная повинность, выплачиваемая в пользу сеньора с продажи держания, обычно составлявшая пятую часть стоимости) и оцениваемого в десять ливров, т. е. то, что оставалось помимо шестидесяти трех солидов, причитающихся ежегодно Эдмунду Ланкастерскому.⁴² По данным поочажного налога, зафиксированного в том же источнике, известно, что в Куломье в 1270-е годы было 25 крупных домов со своим хозяйством.⁴³

Если же говорить отдельно о периоде 1270-х—1290-х годов, на материале наших четырех грамот прослеживается то, что может рассматриваться как тенденция: в 1274 и 1277 гг. приорат занят приобретением недвижимости, а в 1293 и 1296 гг. недвижимость сдается в аренду. Во всех четырех документах приорат выступает не как объект чьей-то милости или участник спора, чем обычно определяется содержание монастырских документов раннего периода, но активно устраивает свои владения, округляя их путем покупок и наводя порядок в делах с арендой.

Ниже помещены аннотации представленных документов с указанием архивного номера, включающего в себя номер документа в картоне (числитель) и номер картонки (знаменатель); также приведены замеры высоты и ширины грамоты в сантиметрах.

1. 1274, январь.⁴⁴ Радульф из Санли (de Silvan[ecto]).⁴⁵ его жена Авелина, Арнульф-сапожник, брат Иоанна Гвителена (Huitelen) и его жена Петронила признают, что они продали сакристу приората Св. Фидес в Куломье за 100 турских солидов дом, в отношении которого употреблен эпитет «ornanda» (возможно, имеется в виду, что дом был не вполне обустроен или не имел

надлежащего внешнего вида). Дом располагается в Куломье и граничит с одной стороны с погребом приората, а с другой — с домом, который принадлежал Баудоту Горушнику (Baodut[us] Moncelin).⁴⁶ Указывается, что продаваемый дом зависит от приората. Также отменно оговаривается сохранность приданого Аалозис Ла Мергедозе (Aalosi La Megredose dotalitio).

Грамота была скреплена печатью курии архидиакона Бри.
17,6—17,4 × 22—21,8 22/327

2. 1277, май. Фефан по прозвищу Ноблет из Сен в Бри (Safn[s] in Bria)⁴⁷ продал приору Св. Фидес в Куломье для его приората за 64 турских солида около половины арпана пахотной земли, расположенной рядом с лугом Карнет (pratum de Charnet — ?) и граничащей с землей монахов Св. Фидес — с одной стороны, а с другой примыкающей к земле Одина из Луиморена (Odinus de Luimorin — ?). Отмечается, что этот участок земли зависит от приората и обложен 3 денариями ценза без каких-либо других податей или платежей, определенных обычаем (sine alio onere vel coustuma).

Грамота была снабжена печатью курии епископа Мо.
15,9—13,7 × 22—21,7 23/327

3. 1293, 20 мая (die mercurii post Penthecostem Domini). Иоанн по прозвищу Пастух (Vaccarius) из Куломье и Иоанна, его жена, дочь покойного Приола de Moncello, получили от приората Св. Фидес в Куломье принадлежащий приорату дом, расположенный в Куломье на холме⁴⁸ и граничащий с одной стороны с погребом этого приората, а с другой — с оставленным домом покойного Ондета по прозвищу Глосцет (Gloscet). За это супруги обязуются выплачивать приорату 10 турских солидов в год: 5 солидов к рождеству Иоанна Крестителя (24 июня) и 5 — к Рождеству Христову.

Грамота была снабжена печатью курии архидиакона Бри.
22,2—22,3 × 21,7—21,6 24/327

4. 1296, 25 июня (Die lune post festum Nativitatis Beati Johannis Baptiste). Иоанн, сын Роберта, de furno⁴⁹ в Ку-

⁴⁶ Это прозвище могло также обозначать «de Montcello». В Бри существует несколько мест с подобным названием, ближайшие из них к Куломье: le Montcel près de La Vanne (cant. de La Ferté-Gaucher), le Montcel sur l'Aubertin (cant. de Nangis), le Montcel sur le Grand Morin (cant. de La Ferté-Gaucher), le Montcel sur le Petit Morin (cant. de Rebris).

⁴⁷ Saints, cant. de Coulommiers.

⁴⁸ Возможно, имеется в виду тот самый холм, на котором был расположен приорат Сент-Фуа и который был уступлен ему во владения графиней Аделой в 1107 г. (Champollion-Figeac J. J. Documents... Т. II. Р. 7).

⁴² Longnon A. Documents... Т. II. Р. 85 H-I.

⁴³ Ibid. Р. 81-K.

⁴⁴ В грамоте указан 1273 год от Воплощения Господа, но поскольку в этот период новгородцы приходились на Пасху, и год, таким образом, начинался примерно на три месяца позже нашего, мы даем эту поправку.

⁴⁵ Senlis, dép. d'Oise.

домье и Оделина, его жена, взяли в аренду у приора приората Св. Филес в Куломье принадлежащий приорату дом с лужком, расположенный в Куломье на холме и граничащий с одной стороны с мастерскими, а с другой — со рвом замка Куломье. Супруги обязуются выплачивать приорату 40 турских солидов в год: 20 солидов к Рождеству и 20 — к рождеству Иоанна Крестителя.

Грамота была снабжена печатью курии архидиакона Бри.
20,5—20,3 × 23,6—23,7 25/327

* * *

Составленные в двух различных канцеляриях — курии епископа Мо и архидиакона Бри, все четыре грамоты своим происхождением обязаны институту официалов и по своему формуляру в целом могут считаться весьма характерным образчиком документов такого рода.

Сам термин «officialis» имеет римское происхождение: в период Поздней Империи он использовался для обозначения члена officium'a при магистрате. Снова в широкое употребление он входит уже в XIII в. — для обозначения лица, не имеющего собственной юрисдикции, назначаемого епископом или другим церковным иерархом для осуществления судебных полномочий в области канонического права (в то время как лицо, делегирующее официалу свои судебные полномочия, могло обладать, кроме духовной, еще и светской юрисдикцией в качестве феодального сеньора).⁵⁰

Первые известные упоминания официалов в этом качестве относятся к Вестминстерскому собору 1173 г. и к буллам Александра III (1179) и Луция III (1181).⁵¹ В епископстве Мо первый официал появляется в 1204 г., им был казначей кафедральной церкви.⁵²

Принято считать, что введение этого института было инициировано со стороны представителей епископата, желавших противопоставить его возросшему к XII в. значению архидиаконов, из должностных лиц, выбираемых в помощь епископу, превратившихся к этому времени в самостоятельную ступень церковной иерархии — со своей собственной юрисдикцией и огромными полномочиями на территории подчиненного им архидиаконата, — составляя тем самым серьезную конкуренцию епископскому судопроизводству и сокращая приток денег в кафедральную

казну. Вслед за епископами, однако, своих официалов вскоре стали назначать и архидиаконы, а затем деканы и даже аббаты.

В диоцезе Мо было два архидиакона: один находился при кафедре, второй именовался архидиаконом Бри, в его ведении находилась юго-восточная область епископства. Поль Фурнье, ссылаясь на Дю Плесси и картулярный Мо,⁵³ упоминает конфликт между епископом Мо и архидиаконом Бри по поводу права последнего иметь в своей курии официала. В результате найденного компромисса это право было сохранено за архидиаконом и его преемниками, но официал Бри должен был отныне приносить клятву епископу, обязуясь уважать его юрисдикцию; в случае же возможного конфликта епископ имел право сместить неудобного официала.⁵⁴

Основной причиной возникновения института официалов в конце XII в. и его широкого распространения в начале XIII в. было изменение канонической процедуры под влиянием распространения принципов римского права, что в свою очередь вызвало необходимость сосредоточения судопроизводства в руках специалистов, тогда как на самих церковных иерархах лежали другие обязанности.⁵⁵ К этому времени отмечается также увеличение числа судебных разбирательств и сложных случаев.⁵⁶ Таким образом, распространение официалов является одним из показателей роста правосознания в средневековом обществе.

Несмотря на то, что в отдельных диоцезах официалы вместе со всей разветвленной системой епископального суда, находившейся в их ведении, просуществовали вплоть до XVII в. начиная с последней четверти XIII в., все большее число случаев изымается из сферы канонического права и переходит в ведение королевской администрации, реформированной при Людовике IX, что вкупе с расширением королевского домена означало падение роли института официалов в позднем средневековье по сравнению с XIII в.⁵⁷ Таким образом, наши четыре документа относятся ко времени наивысшего расцвета этого института.

Отметим некоторые типичные для грамот официалов этого периода черты, а также характерные особенности наших документов. Это отсутствие инвокации и преамбулы (грамоты начинаются адресом «Universis / Omnibus presentes litteras inspecturis», т. е. обращением ко всем, кто может когда-либо ознакомиться с текстом). Имя официала отсутствует, как и его церковная должность и университетское звание, что нередко можно встретить в грамотах более позднего периода: сускрипция (указание на авто-

⁵³ Du Plessis dom T. Histoire... P. 182; Cartulaire de Meaux / Bibl. Nat., 5528, f. 88; 5185, f. 107 r.

⁵⁴ Окончательно судебные полномочия архидиакона Бри были ассимилированы епископальной юрисдикцией в 1341 г.: архидиакон отказался от своих прерогатив при условии ежегодной выплаты ему 200 турских шиллов (Lot F., Faurtier P. Histoire des institutions françaises au Moyen Age. Paris, 1962. T. III, P. 353).

⁵⁵ Fournier P. Les officialités... P. 6—7.

⁵⁶ Luchair A. Manuel des institutions françaises. Paris, 1892. P. 122.

⁵⁷ Ibid. P. 291.

⁵⁰ Это место дважды упоминается в «Feoda Campaniae», самой ранней части этого епископа, составленной около 1172 г.: «In furno de Columbario», «pars furni Columbarii» (Longnon A. Documents... T. I. P. 47). Название идет от расположенной здесь хлебной печи.

⁵¹ Fournier P. Les officialités au Moyen Age de 1180 à 1328. Paris, 1880. P. 2—5.

⁵² Ibid. P. 5.

⁵³ Ibid. P. 311—312.

ра документа) ограничивается отсылкой к курии — в трех случаях — «*officialis curie archidiaconi Brie in ecclesia Meldensi*» (вместо более ранней формулы, отсылающей непосредственно к лицу, делегирующему официалу свои полномочия); в грамоте же 1277 г. использовано словосочетание «*officialis Meldensis*» — формула, свидетельствующая, по мнению Фурнье, об искажении первоначальной идеи зависимости официала от епископа.⁵⁸ Одинаково краткие формулировки для салютации и нотификации («*Salutem in Domino*» и «*Notum facimus*»), а также общая схема для обозначения лица, выслушивающего стороны при совершении сделки, подчиненного официалу клирика (1277) или табеллиона (1274, 1293, 1296), в экспозиции — при меньшей многословности стиля епископальной курии. Во всех грамотах присутствует формула, удостоверяющая наложение печати курии: сами печати, что весьма обычно для французских документов, не сохранились.

Заключая договор об аренде и купле-продаже, приорат и его контрагенты обращались к официалу, т. е. к представителю публичной власти, по сути дела как к третейскому судье.⁵⁹ Удостоверение частных актов не входило в основные задачи официалов как духовных судей с полномочиями, делегированными им церковными иерархами. Подобное обращение к ним было обусловлено в первую очередь их профессиональной подготовкой, хорошо налаженным делопроизводством в подчиненных им ведомствах, а также возможностью судебного преследования — в случае уклонения одной из сторон от выполнения условий договора — и судебного разбирательства — в случае возникновения конфликтной ситуации.

Описанное положение нашло отражение в тексте грамот. Диспозиционная часть открывается именами тех, кто, в соответствии с заключаемым договором, принимает на себя определенные обязательства по отношению к другой стороне — в нашем случае это прежние владельцы и арендаторы. Их имена вводятся характерной формулой «*recognoverit / recognoverunt*». Таким образом, принятие ими на себя обязательств происходит как бы в результате совершенного ими признания, сделанного в ходе судебного расследования. При заключении договора в своем роде инсценируется судебный процесс, а составление акта имитирует решение суда (*procès simulé*) — со всеми вытекающими последствиями и преследованием в случае неисполнения.⁶⁰

Вслед за названной формулой идет указание на сам акт, выраженный оборотом *accusativus cum infinitivo* в перфекте. И если в случае с арендой это обозначение выглядит достаточно просто (*se accepisse ad locationem*), то в первых двух грамотах, помимо указания на совершенный акт продажи, присутствует отказ преж-

них владельцев от претензий на отчуждаемое имущество (*se vendidisse et nomine venditionis (ex nunc) imperpetuum quitavisse*). За этим следует обозначение лица, в пользу которого совершается акт, пусть это лицо и выступает от имени целого духовного учреждения (*nomine prioratus*) — в грамоте 1274 г. это сакрист, в остальных случаях — приор.

Описанию объекта заключаемого договора в грамотах 1270-х годов, удостоверяющих акт купли-продажи, предшествует достаточно пространственный пассаж, посвященный выплате покупателем денежной суммы. Пассаж этот весьма характерен. Указание на сумму (*pro... solidis turonensium*) сопровождается сообщением о том, что покупатель выплатил эти деньги, отказавшись от всех возможных претензий на них (*solidis suis quitis et solutis*), причем они были сосчитаны (*in pecunia numerata*) в момент заключения договора. Объявляется, что сторона, отчуждающая собственность, считает себя полностью удовлетворенной (*de quibus denariis se tenuit (penitus) pro pagato*).

Здесь же присутствует очень важная часть с отказом от экцепций. Как правило, такой отказ применялся в пользу нового владельца. Так и в наших грамотах. В случае предъявления иска к прежнему владельцу последний в силу этого отказа не сможет воспользоваться процессуальными оговорками, предоставляемыми римским правом, нормы которого широко применялись учеными юристами в ходе третейского суда в этот период. Поскольку применение таких норм было обусловлено договором сторон о своем обращении к третейскому судье, то заинтересованная сторона могла заранее оговорить, что такие-то нормы не будут применяться при возможном судебном разбирательстве.

В историко-правовой науке такая практика получила определение правового произвола. Любопытно отметить, что отказ прибегать к определенным нормам римского права при своей возможной защите в суде прежний владелец скреплял чисто средневековым обрядом, подав контрагенту правую руку на глазах свидетелей (*per fidem suam* — в грамоте 1277 г.), как бы отдавая в залог свою способность вступать в отношения доверия с кем бы то ни было, а тем самым и свою общественную репутацию. Человек, нарушивший связь веры, по старинным законам XI—XII вв. ставил себя вне общества себе подобных и к нему могла быть применена сила.

Грамоты 1290-х годов удостоверяют акт отдачи имущества в аренду. Оба документа весьма показательны в отношении старания нотариуса исключить все двусмысленности, которые могут возникнуть при толковании общей формулы о пожизненной аренде супругами уступленного им имущества. Составитель грамоты дважды уточняет, что речь идет не только о совместной аренде обоими супругами, но и об аренде каждым из них в отдельности после смерти другого: «*(nomine locationis) toto tempore vite sue dictorum coniugum et quandiu ipsi coniuges vixerint, ac eorum alter ultimo decedens (/superstes) vixit*».⁶¹

⁵⁸ Fournier P. Les officialités... P. 294.

⁵⁹ Botard A. de. Manuel de diplomatique française et pontificale: L'acte privé. Paris, 1948. P. 254.

⁶⁰ Подробно о доктрине «*recognitio in iure*» см.: Botard A. de. Manuel... P. 166—171.

Как памятник эпохи грамоты из Куломье выразительно запечатлели, сколь значительное развитие получили во второй половине XIII в. судебные разбирательства с участием профессиональных юристов, хорошо обученных в университетских диспутах.

Как уже можно было заключить из вышеизложенного, договоры, засвидетельствованные в грамотах, были направлены главным образом на защиту прав основного владельца — в случае аренды — или нового — в случае купли-продажи. Соответственно, основные обязательства по сохранению целостности договора возлагались на другую сторону. Вслед за представленной основной частью диспозитивного характера во всех четырех документах засвидетельствовано обязательство — продавца или арендатора — соблюдать условия договора: «promittent ... se huius venditionem et quittance firmiter imperpetuum servaturos» (1274). В грамотах 1290-х годов дополнительно сообщается, что речь идет обо всех условиях договора — целиком и в отдельности (*premissa omnia et singula*). Такой формулой, очевидно, предусматривался тот случай, когда по каким-либо причинам одно из условий договора все же не могло быть выдержано и ловкий юрист объявил бы всеобщее обещание недействительным. Поэтому составитель грамоты особо указал на сохранение каждого пункта в отдельности.

Выраженное такой формулой обещание, как сообщается в документах, было дано табеллиону посредством рукопожатия: «Promittent fide data in manu dicti tabellioni nostri» (1274, 1293, 1296).⁶¹ О значении жеста было сказано выше. Связь веры, в которую обязующийся вступал с табеллионом, очевидно, представляла новый вид приложения этого рода личной связи, защищаемой общественными санкциями, к отношениям с представителем уже непосредственно публичной власти, формирование которой ускоренно шло в эту эпоху. Такова была еще и в конце XIII в. сила старого способа скрепления договорных отношений исключительно на индивидуальной основе.

Не довольствуясь указанием на уже приведенные в документе обязательства, обеспечивающие права владения основного хозяина уступаемого в аренду имущества или его нового полного владельца — в случае купли-продажи, составители грамот приводят и общий отказ арендатора или прежнего владельца от всяких попыток добиваться отмены договора судебным путем (*promittent... non contraventuros [esse]*).

⁶¹ Заслуживают внимания оговорки относительно состояния пятого в аренду имущества: супруги обязуются содержать арендуемый ими дом в надлежащем порядке (*tenebuntur ... in bono statu sustinere*). В грамоте 1296 г. арендаторы подтверждают, что они получили дом в хорошем состоянии (*asserentes cum modo esse in bono statu*).

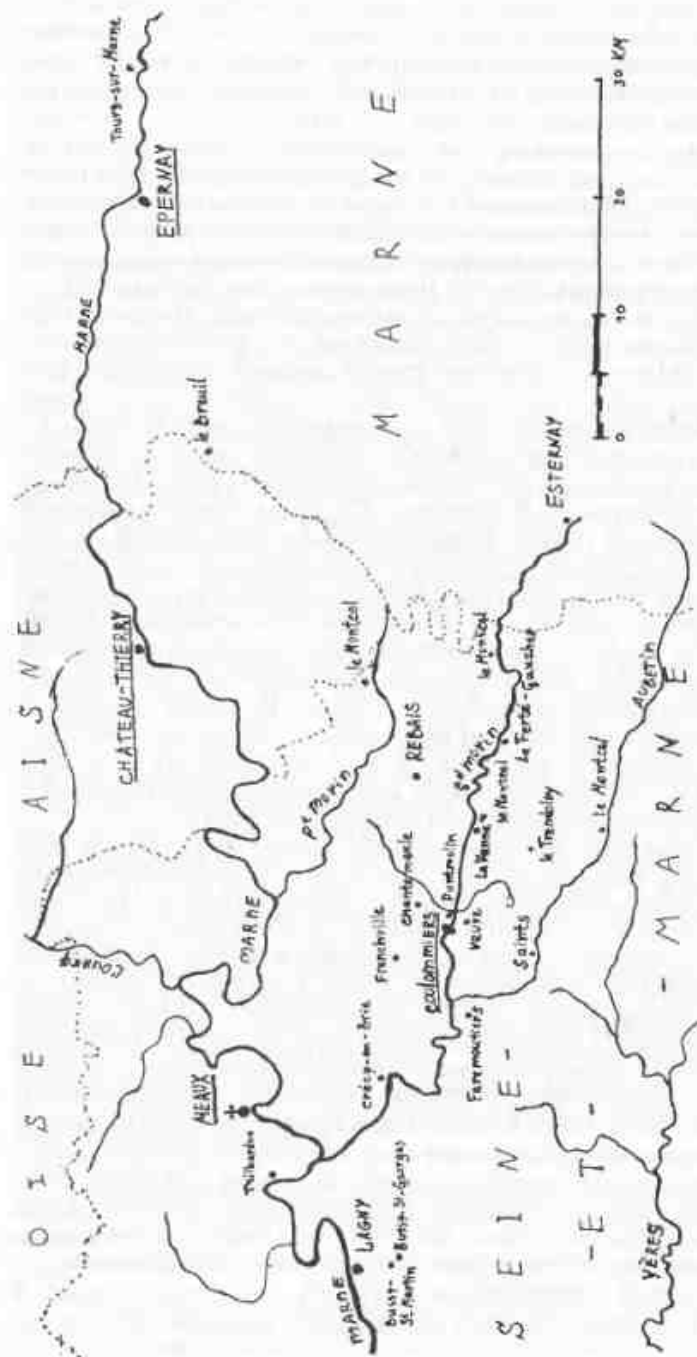
⁶² В грамоте 1277 г.: «promittens per dictam fidem», — речь, видимо, как и в первом случае упоминания отношений веры, идет о рукопожатии с контрагентом, т. е. с приором.

В договорах купли-продажи, помимо этого общего отказа от предъявления в будущем новому владельцу возможных претензий (исков), вследствие которых договор мог быть расторгнут в судебном порядке, приводятся отдельные причины, по которым могли бы быть предъявлены иски. В грамоте 1274 г. — это нарушение прав наследования (*jure hereditario, ratione successionis vel caduci*) и прав на вдовью долю (*jure hereditario conquestus dotalitio seu dotis*). В грамоте 1277 г. также упомянуто нарушение прав женщины путем лишения ее вдовьей доли (*ratione dotis, douarii conquestus*), а кроме того — принадлежность продаваемого имущества к чужому домену (*proprietas dominii [ratione]*).

Более того, в случае купли-продажи прежний владелец обязывался защищать права нового владельца на приобретенную недвижимость: «Immo ... rectam (contra omnes) garantiam portaturos».

В заключение в грамоте 1274 г. указывается, что сторона, отчуждающая дом, подчиняет себя «в отношении всего вышеперечисленного» юрисдикции официала: «Jurisdictioni mee quantum ad premissa se supponendo». В грамоте 1277 г. подчинение судебной власти выражено в общей форме, отдельно указывается на то, что в случае нарушения продающей стороной условий договора сам продавец и его наследники готовы подвергнуться судебному преследованию со всем своим движимым и недвижимым имуществом: «Dictus venditor ipsi emptori ac ipsius successori fide media sine eius successoribus se, heredes suos cum omnibus bonis suis mobilibus et immobilibus specialiter obligavit». В грамотах 1293 и 1296 гг. присутствуют обе формулы. При этом еще более определенно указывается на то, что речь идет не только о настоящем, но и о будущем имуществе, — еще один пример характерной для эпохи предусмотрительности составителя документа.

Однако, несмотря на столь разработанный формуляр и внимание к письменному слову, сам по себе документ все же не имел абсолютной юридической силы в удостоверении акта. Уже указывалось на значение личной связи и тех отношений доверия, которые устанавливались между сторонами в момент заключения договора — с одной стороны — и между стороной, берущей на себя обязательства, и представителем публичной власти — с другой. Человеческая память и общественное признание совершенного акта имели гораздо большую силу доказательства, нежели письменное оформление договора — грамота, которую было легко подделать. В связи с этим в документе особо указывается на способ передачи табеллионом или клириком, присутствовавшим при заключении акта, содержания договора официалу, этот акт удостоверяющему: «Prout hec omnia idem noster tabellio nobis retulit viva voce (foraculo vive vocis (1277))». Необходимость изложения сути дела в устной форме накладывала на представителя публичной власти обязательство хранить заключение акта в своей памяти, а сама передача содержания договора делала его ответственным за сказанное в присутствии официала.

Карта-схема владения при Оратории Сент-Фуа в Куломье

К сожалению, при отсутствии сравнительного материала мы можем лишь на основании приводимых в пособиях по дипломатике данных констатировать, что в своих общих чертах формуляр представленных нами четырех грамот в целом соответствует практике составления документов, исходящих от официалов. Однако до какой степени он характерен для периода, области и канцелярий, в которых они были составлены, судить сложно. По той же причине пока нет возможности оценить специфику употребления тех или иных формул. Тем не менее грамоты приората Сент-Фуа, хранящиеся в собрании архива СПбФ ИРИ РАН, несомненно, весьма показательно отражают правовые отношения эпохи.

Когда настоящая статья была уже в наборе, нам представилась возможность ознакомиться по ксерокопиям с описанием документов из монастырских собраний, хранящихся в архиве департамента Сен-е-Мари (см. примеч. 9). В числе документов, находящихся в картонках Н 827 и Н 828, указаны договоры о продаже дома и о пожизненной аренде, засвидетельствованные нашими грамотами 1274 и 1293 гг. Исходя из указания Лемера на материал содержащихся в этих картонках 23 документов, из которых 20 были написаны на бумаге, можно предположить, что те из них, чье содержание сходно с рассмотренными нами подлинными грамотами, также были написаны на бумаге, иными словами, представляли собой подлинные копии наших грамот. По-видимому, ошибкой переписчика следует считать написание имен двух прежних владельцев проданного дома: Aurelina вместо читающегося в грамоте 1274 г. Avelina и Suter вместо Sutor, «Сатисовил». В картонке Н 826 находится, кроме того, дарственная грамота в пользу того же приората, где дарителями выступают вдова и сын Баудота Горуинника, названного в грамоте 1274 г. в качестве владельца дома, соседствовавшего с тем, что был приобретен приоратом.

LES CHARTES DU XIIIe SIÈCLE DU PRIEURÉ SAINTE-FOY DE COULOMMIERS DANS LA COLLECTION DE L'INSTITUT D'HISTOIRE À SAINT-PÉTERSBOURG

Résumé

Dans les archives de l'Institut d'histoire à Saint-Petersbourg sont conservées quatre chartes du XIIIe siècle du prieuré Sainte-Foy de Coulommiers. Tous les quatre actes passés devant les officiaux de l'archidiacre de Brie ou de l'évêque de Meaux présentent des contrats d'achat et vente et de bail, caractéristiques de l'époque et de la région. Une large partie du texte des documents contient les clauses de renonciations aux exceptions. On doit signaler l'établissement du lien de foi comme garantie de l'acte composé selon les normes du droit romain: «promittent fide data in manu dicti tabellioni nostris» etc.

L'article contient une revue des sources plus anciennes de l'histoire du prieuré Sainte-Foy et un bref aperçu sur l'histoire de la ville de Coulommiers, il expose aussi le problème de la fondation en Brie Champenoise du prieuré de Conques, l'abbaye Rouergoise.

Voici les notices sur chaque charte.

1. 1274, janvier. Radulfus de Senlis (de Silvan[ecto]), sa femme Avelina, Arnulphus le cordonnier, frère de Iohannes Huitelen, et sa

femme *Petronilla* vendent au sacristain du prieuré Sainte-Foy de Coulommiers une maison dont on dit «ornanda» pour une somme de 100 sous Tourangeaux. La maison est située à Coulommiers et est contiguë à la cave du dit prieuré et à la maison de *Baudot[us] Moncelin*. On dit que cette maison est une dépendance du prieuré. Les droits de douaire d'*Aalosi La Megredose* sont protégés.

2. 1277, mai. *Fephanus* dit *Noblet* de Saints-en-Brie (*Sa[n]s in Bria*) vend au prieur du prieuré Sainte-Foy de Coulommiers pour une somme de 64 sous Tourangeaux environ un demi-arpent de terre arable située près du pré de *Charneto* [?] et contiguë à la terre des moines de Sainte-Foy et à celle d'*Odinus de Luimorin* [?]. On dit que la terre vendue est dépendance du dit prieuré et grevée du cens de 3 deniers «*sine alio onere vel coustuma*».

3. 1293, le 20 mai (le mercredi après la Pentecôte). *Iohannes* dit le Vacher (*Vaccarius*) de Coulommiers et sa femme *Iohanna*, la fille de défunt *Priol de Moncello*, tiennent à bail une maison du prieuré Sainte-Foy de Coulommiers, située sur la colline à Coulommiers et contiguë à la cave du dit prieuré et à la maison de la veuve du défunt *Ondetus* dit *Gloset* pour 10 sous Tourangeaux de loyer annuel, dont cinq doivent être payés à la Saint Jehan Baptiste (le 24 juin) et cinq autres à Noël.

4. 1296, le 25 juin (le lundi après la fête de Jehan Baptiste). *Iohannes*, le fils de *Robertus*, «*de furno*» de Coulommiers, et sa femme *Odelina* tiennent à bail une maison avec le pré du prieuré Sainte-Foy de Coulommiers située sur la colline à Coulommiers et contiguë au fossé du château et aux ateliers (*ex alia parte contiguam scolis*) pour 40 sous Tourangeaux de loyer annuel, dont vingt doivent être payés à Noël et vingt autres à la Saint Jehan Baptiste.

Л. И. КИСЕЛЕВА

«КНИГА СОКРОВИЩ» БРУНЕТТО ЛАТИНИ

Петербургский список XIV в. (РНБ, Fr. F. v. III, 4)

Брунетто Латини, автор «Книги сокровищ», учитель Данте Алигьери, менее известен, чем его знаменитый ученик, хотя сочинения и деятельность этого мастера оказали большое влияние на его современников и последователей. Брунетто Латини родился в 1230 г.¹ во Флоренции в знатной семье Бонакорсо Латини, получил хорошее образование, был известен как превосходный оратор, философ, историк, поэт, политический деятель Республики Флоренция, поддерживал партию гвельфов — представителей промышленной и банковской части пополанов и принимал активное участие в борьбе с гибеллинами, во главе которых стоял побочный сын Фридриха II Гогенштауфена Манфред. Правительство Флорентийской Республики давало Брунетто Латини важные дипломатические поручения. Он выполнял миссию к королю Кастилии Альфонсу X, договаривался с сиенцами о поддержке Флоренции, но сиенцы предали Брунетто Латини, и он вынужден был в 1260 г. уехать в ссылку во Францию, где провел 7 лет, жил в Париже, в Аррасе, Бар-сюр-Об, посещал города и монастыри, работал в библиотеках.

В изгнании он написал свой большой труд «*Li livres dou Tresors*» («Книга сокровищ»). В 1266 г. Брунетто Латини вернулся на родину через 2 недели после смерти Манфреда, получившего тяжелое ранение на поле боя под Беневентом, и поражения партии гибеллинов.

Брунетто Латини снова занялся политической деятельностью. Он вернул себе пост нотариуса и секретаря Республики Флоренция и оказывал большое влияние на политику. Одновременно мастер занимался литературным трудом, давал уроки по оратор-

¹ В издании *Li Livres dou Tresor de Brunetto Latini* / Edition critique par F. J. Carmody. Berkley and Los Angeles, California: University of California press. (University California publications in modern philology). Vol. 22 (далее: *Carmody*). Кармоди указывает год рождения Брунетто Латини: 1220 (р. XIII).